

Берега Памяти

Татьяна Глушкова

(22 декабря 1939 – 22 апреля 2001)

**ВСЁ НАЗЫВАЕТСЯ: ВЕСНА.
ВСЁ ВЕЛИЧАЕТСЯ: ПОБЕДА!**

*Вступительное слово
Анны Козыревой*

Татьяна Михайловна Глушкова – поэт милостью Божией – умерла в 2001 году на Светлой Пасхальной седмице.

Известно, что у Господа свои сроки и свои пределы; только вот смерть всегда бывает неожиданной, моментально отзвываясь в сердце щемящей болью и недоумением. Не одно доброе сердце защемило от скорой потери и тогда, но вольно или невольно возникла мысль о том, что подняться в горние высоты при открытых Царских вратах – ещё заслужить надо.

Она долго и мучительно болела, однако в немощи своей не была человеком подавленным и вычеркнутым из жизни. Именно в годы последнего десятилетия, совпавшие с трагическим периодом в нашей стране, Татьяна Глушкова показала, до каких высот в чувстве любви и преданности Отчизне человек способен подняться. Порой казалось, что больна не простая русская женщина, а сама Родина-мать страдает от боли и физических мук... И совсем не случайно в апреле 1992-го появляется страстное стихотворение «Час Беловежья»:

Когда не стало Родины моей,
в ворота ада я тогда стучала:
возьми меня!.. Только бы восстала
страна моя из немощи своей.

В самые последние дни телесного пребывания поэтессы на земле вышла книга её стихов «Возвращение к Некрасову», мистически связанная со сборником поэта «Последние песни». И, словно повторяя судьбу русского поэта XIX века, она писала в одном из стихотворений цикла:

Не бойся вьюги навесной,
снегов пуховых груза:
я схороню тебя весной, –
ему сулила Муза.

И точно так же весной покинула земные пределы и её личная Муза.

Чистым, светлым днём Татьяну Михайловну хоронили на кладбище в Переделкино. Светило в широком небе лучистое солнце. Пел-журчал в подножии горушки ключ-родник. Тихими волнами на низкие берега набегали воды Сетунь-реки. И путалась в зеленеющей дымке крон высоких деревьев звонкая птичья разноголосица. То оживающая во всей полноте и набирающая скорую силу природа открыто радовалась Воскресению Христову.

В те светлые дни, когда над православным миром повсюду звучит торжественное и ликующее: Смертию смерть поправ! – вот уже более полувека пасхальная радость промыслительно перетекает в победную – 9 мая празднуется День Победы в Великой Отечественной войне.

Этот день и в её жизни был особо чтимым: маленьким ребёнком пережив в Киеве немецкую оккупацию, она его искренне и преданно почитала *Святым*.

И вдруг...

Невозможно и помыслить, какое ей, киевлянке по рождению и по духу, пришлось бы пережить потрясение в дни нынешней СВО, когда родная, исконно древнерусская, славянская земля превратилась в нечто откровенно враждебное, воспевающее нацизм, поклоняющееся фашисткой свастике и идеологии. Но верится, что и с горних высот, где «у Господа обителей много», всё видя и слыша, она, как и многое множество русских людей, оставивших земные пределы, молитвенно поддерживает всех нас.

В публикуемой ниже подборке произведений Татьяны Глушковой тема оккупации и Победы – главная.

И если первая часть – это память детства, то вторая – скорбные ощущения вражеской оккупации, «когда не стало Родины моей», причём крайне усугубившейся сегодня, когда вновь «нашествие двенадцати языков» стало реальностью, вера в неминуемую Победу, ибо по-другому просто не может быть потому, как «всё называется Россия», что созвучно и нашей нынешней вере в ПОБЕДУ!

Анна КОЗЫРЕВА

ТАТЬЯНА ГЛУШКОВА

НА УКРАИНЕ
1942 ГОД

Детство в траве... Лопушиной свирели
тёплый, удушливый зов.

Прядают в сини макушками ели
меж кучевых облаков.

Детство – во сне. От апреля до мая –
вечность по имени: миг.

Это – не я, это вышел из рая
мой тёмноглазый двойник.

Что он таит? Отчего разговора,
плача хотя б, не начнёт?..

Разве не к спеху? так ли – не скоро
наш одинокий черёд?

Детство – в плену. Затопорщится ельник,
тропки в клубочек завьёт...

Лишь на околице воин-бездельник
тычет ружьём в небосвод.

1977

* * *

Всё называется: война.

Всё называется: «под немцем».

Под ним – и осень, и весна,

и две зимы, и та сосна,

и этот луг, и страх под сердцем,

и с петухами полотенце,

и горсть горящего зерна,

и в речке полная луна,

и соловьиное коленце,

и говорят: куда подеться? –

повсюду – о н, везде – о н а!

Всё называется: Украина...

Как будто кража или тайна,
и край, и краткая межа,
краюха... Шепчешь, не дыша...
Всё называется: весна.

Всё величается: победа, –

и пчёлы золотого лета

Летят, не гаснут дотемна.

Всё называется: беда.

Всё именуется: разруха.

Проруха, засуха, присуха

беды... И эта свежесть духа.

И смерть. И сердца простота.

Всё вспоминается: весна...

Всё называется Россией,

куда тропую густо-синей,

дичась и отряхая иней,

дойду когда-нибудь одна...

* * *

А он был тоже окруженцем,
тот стародавний соловей,
который солнечным коленцем
остался в памяти моей.

А он был тоже небогатый,
и он был тоже сиротой,
когда пылающие хаты
всю ночь светили за рекой.

Когда в далёкий город Киев
придя от гневного Днестра,
мы платье мокрое сушили
на углях чёрного костра.

Когда лазурною весною
ударили колокола.
Когда ломилась бузиною
Страна, спалённая дотла.

И, как серебряная слава,
цвела черёмуха моя...
А там, за свалкою, – канава,
где зреет голос соловья.

Там однурукая берёза
и дуб, что смотрит кобзарём, –
то ль от свинцового мороза
ослеп, то ль питанный огнём...

И опускается орешник,
и млеет сладкая трава...
А я – из вымерших, из здешних:
опять живёхонько-жива!

А я – из выживших, зарытых
в ботве, в бурьяне, в ивняке,
седым соловушкой повитых,
с ржаную крошкой в кулаке.

А я – из малых, бессловесных,
из длинных прочерков в строке...
Но это мне в забытых песнях
плыть подголоском по реке.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Из книги «После Победы» (Летопись давнего детства)

День Победы помню как день з о л о т о й.

Я его помню в цвете, в запахе, в свете – а не в звуках, словах и других, посерьёзнее, впечатлениях.
Очень солнечный, очень тёплый, блаженно-весенний день.

Мы пошли почему-то не на Крещатик, а в Ботанический сад. Старый Ботанический сад – с белоколонным входом против Владимирского собора.

Почему-то?..

Но так удивятся лишь те, кто не жил тогда в Киеве.

А пошли мы не на Крещатик – главную, славную улицу – потому что на Крещатик нельзя было пойти. Он лежал ведь тогда ещё в *непроходимых* руинах (встречно друг другу обрушенные дома), и долго ещё будут его расчищать для ходьбы. Эту артерию в сторону Киевской Руси... Этот путь к Днепру. И к чугунному великану Владимиру, Крестителю, на горе. И к Аскольдовой могиле...

Мы пошли в Ботанический сад, и там сочная зелёная трава была золотой от сияющих, росистых ещё одуванчиков. Меня ослепили тогда одуванчики, и день так и остался навеки зелёным и золотым.

Было много людей. И у входа лотошница продавала мороженое. Поршнем выталкивала из жестяного цилиндрика белые узкие столбики с круглыми вафельками, как пятачки, по торцам. Я смотрела, как ловко выскакивают эти снежные столбики и как трудно, наверно, потом удержать их в растопыренных пальцах.

И ещё – на мне было новое платье. Белое, в тонкую голубую полоску. Накрахмаленный ситец. Что-то вроде рубашечной ткани... Это платье я после ни разу не помню на себе, а забыть не могу. Ощущение той чистоты, что нарядней любого богатства.

Не испачкать его одуванчиками.

Потому что на мне золотой одуванчиковый веночек.

Не испачкать липучей пыльцой такое чудесное платье. И пальцами, позеленевшими от сочных, мягких стеблей. Я рвала и рвала одуванчики вместе с другими детьми, не боясь потеряться в людном саду, озарённом золотыми полянками горько-медовых цветков.

Вот и весь День Победы...

Ну, наверно, наверно, конечно, гремела музыка. Но не помню её. Помню только пронизывающий, купающий нас солнечный свет. Он струился – как будто беззвучно – и от золотых кренделей меж стволами могучих деревьев. Это – трубы, военные трубы, ими увешана главная группа военных... Но не помню музыки их.

Помню зелень травы, одуванчики, платье и какой-то волнующий, но как будто негромкий, радостный шум толпы. Не толпящейся, хоть большой.

Верно, были тогда-то мы все не в толпе. Просто были мы вместе.

Почему-то все лучшие дни вспоминаются мне беззвучными. Разве что тихий, отдалённый какой-то гомон, прибой... Такая ли сосредоточенность на чём-то в себе в эти лучшие дни? Но и рай – представляется *тихим*. Там не надобно слов. Всё понятно без звуков и слов.

Свете *тихий*... Вот – День Победы.

ВСЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ!..

* * *

Г. К.

Как лакома ты, Родина моя,
врагу – и как ему ты ненавистна...
А я шепчу: красавица! Отчизна!
Что без тебя могла бы значить я?

Что без тебя и слава, и любовь,
сама душа – как храмина пустая?..
И я шепчу себе: не прекословь, –
как святцы, дни скорбей твоих листая.

Твоих соблазнов люгая тщета...
Твой путь окольный до приветной близи...
По чину нам – архангельские выси.
По чину высям лестница крута.

Там, у латинян, глянь, вознесены
на кровли храмов адские химеры...
А мы, бродяги православной веры,
лежим во прахе, ежели грешны.

И смиренный нрав народа моего –
не пред тобою, власть меча и злата.
Не радуйтесь: мол, русская расплата...
Всемирное в ней тлеет торжество.

Вот так, бывает, зябкое зерно
скорбит в грязи... Поют ему метели.
А поглядишь в конце Святой недели –
всё поле осторожно зеленó!

И жаворонок солнечный висит.
А к Троице уже и колосится
та гиблая, обильная пшеница.
И в Духов день горит не догорит
закат...

И вновь шиповник на меже
нектаром полнит розовые чаши.
Всю смерть поправ!.. – в ответ на песни ваши
твержу о прахе, чести, мятеже...

Просохнет кровь. Отступят злые беды.
Как лес, взлетят фанфары, золотясь.
По Лучшей Площади пройдёт Парад Победы –
как в прежний раз. Как в незабвенный раз.

То будет день пасхальный, Красной Горки
иль Троицы... Пóутру... По весне...
Как маршал Жуков, сам Святой Георгий
проскачет на танцующем коне.

И у Кремля заплещутся сирени,
смывая прах поверженных знамён.
А мы, – не плачь, – мы будем только тени,
из Смутных залетевшие времён...

* * *

И Все Святые, что в родной земле
за всё тысячелетье просияли,
у наших павших в головах стояли,
и луч желтел в необоримой мгле...

Оборете! – сулили голоса
с высот зауспокойного молебна. –
И будет Русь опять жива и хлебна:
о том тоскуют сами небеса!

И я хранила на виду у всех
такое молодое выраженьё,
как будто мне поручено внушеньё
вам передать: уныние есть грех.

И я просила у сырой земли,
у зимних птиц, у тополя – подмоги,
вбирая в золотую мысль о Боге
всё, что вблизи и в облачной дали...

Катились слёзы по щекам моим,
темнило горе лик моих сограждан.
Но с каждым павшим в листопаде страшном
был наш союз отныне нерушим.

И нету мощи, чтобы одолеть
ту крепь – коль встанут мёртвые с живыми,
единого Отечества во имя
готовые вторично умереть.